

Р. Ф. Степаненко¹

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ

Утрата основ духовной и правовой ориентации в существующей реальности со всей неизбежностью приводит к деформации правосознания, инициируя и масштабируя диссонирующие когнитивные состояния, конфликтность. Находясь в пограничных психолого-правовых ситуациях, структура правосознания приобретает хаотичные контуры, рассогласованные с императивами законодательства и собственными психоментальными особенностями личности, не выходя из сложившихся противоречий разнообразно толка.

Процессы раздвоенности, конфликта культур, ценностей, идей и идеалов, усугубляющиеся внутренними переживаниями по поводу возможности разрешения межгосударственного противостояния приемлемым цивилизованным путем, влекут за собой неуверенность в способности права и законов не допустить дальнейшей эскалации и обеспечить тот правопорядок, который сохранял бы безопасность личности, общества и государства.

Непримиримые различия правовых культур России и Запада, заключающиеся в несовпадениях: морально-го (смирненного и терпимого, одухотворенного и нерационально-практического отношения к близким); идеях милости (сервильность, неприспособленчество перед властью с одновременным пренебрежением к законам), а также служения обществу; понимания права как принуждения; идеях справедливости, учитывающих и признающих индивидуальность человека и многое другое, что в отечественной самобытной правовой культуре контрастно культуре западной². Преумножение внутригосударственных проблем: непрерывности трансформаций национального законодательства; не-

определенности вопросов транзита государственной власти; разрыва связи поколений³; избыточности нормативности; заимствования и одобрения прагматично-утилитарных зарубежных ценностей и образа жизни и многого другого, привело к тому, что правовое российское сознание обрело неустойчивый и, по большому счету, уязвимый характер.

Российские правовые ценности, будучи скорее одухотворенными и нравственными, нежели материальными реалиями, всегда базировались на понимании права как правды, справедливости и свободы. На право возлагались надежды в его способности удовлетворения интересов, потребностей, справедливого разрешения конфликтных ситуаций и обретения упорядоченных взаимоотношений с обществом и государством.

Будучи сформированными религиозным общественным сознанием, образы права не претерпевали фундаментальных преобразований на протяжении многих столетий эволюции российской государственности. Видя в праве божественные истоки справедливости, отечественное правосознание полагалось на «жизнеопределяющую» его силу.

Как справедливо утверждал И. А. Ильин, не мнимая, а «настоящая религиозность утверждает в душе человека аксиоматические корни правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к автономной жизни и искусство признавать духовные начала в других людях... Религиозность несет правосознанию все свои дары: и высшее призвание, и абсолютное мерило ценности, цельность характера, и силу вдохновения, жизненный героизм... для процветания и развития благородной государственности»⁴.

Нарушая ход исторического развития духовно-нравственной, ценностно-мировоззренческой, религиозно освященной парадигмы эволюции отечественного правосознания, идеологически обосновывая необходимость признания и приверженности западным ценностям, властная организация не учла особенностей и тонкостей экзистенциальной максимы «правотворящей» силы российской духовности. Не самозакондательствующий образ индивидуального российского правосознания, а живущий в мире с соотечественниками и Отчизной, с верой в чудесные сверхъестественные силы права и государства — таков идеал правового самоопределения личности. Не покорно и прагматично

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук. Автор более 190 научных и учебно-методических публикаций по проблемам теоретического правоведения, в т. ч.: «Справедливость и законорядок: теоретико-методологический аспект», «Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем», «Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований», «Правовое содержание социально-экономической категории „качество жизни“: аналитический дискурс», «Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы» и др. Член редакционных советов журналов «Право и государство: теория и практика», «Образование и право», «Вестник Казанского юридического института МВД России», «Вестник экономики, социологии и права» и др.

² Каландаришвили З. Н. Особенности влияния правовой культуры западной цивилизации на современную российскую правовую культуру // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 565–566.

³ Ромашов Р. А. Кризис национального права как предпосылка формирования переходной правовой системы // Там же. С. 586–587.

⁴ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с биограф. очерком В. А. Томсинова. 2-е изд., доп. М. : Зерцало, 2008. С. 538, 539.

подчиненный воле государства и норме права, а гордый, с чувством собственного достоинства человек — носитель отечественного правового сознания. Со всеми его прегрешениями, противоречиями, допущениями и раскаяниями в случае нарушений божественных и правовых заповедей, выкорчевать которые просто невозможно.

Российское правосознание и правовая культура, природа и сущность которых «неизмеримо больше, чем простая совокупность норм, правоотношений и текстов наспех принятых законов. Наше право должно вернуть утраченные позиции в российской ментальности, перестав поверхностно-политически слоняться по Европам»¹, — почти десятилетие назад отмечал В. Н. Синуков.

Находясь на «пограничье», почти на краю духовного самоопределения, в промежуточном и дезапативном положении в сегодняшней политико-правовой реальности, современное правосознание характеризуется как маргинальное. Об этом неустанно пишут представители маргиналистики — междисциплинарного естественно-гуманитарного учения о сложном социокультурном феномене «пограничности», нахождения в состояниях неопределенности, отчуждения и дисгармонии личности, общества и государства в разные исторические эпохи. Начиная с конца прошлого столетия, в России защищено более 50 диссертационных работ в области философских, исторических, социологических, политических, психологических и юридических научных дисциплин. В теоретическом правоведении нами были обоснованы положения в работе «Общеправовая теория маргинальности» (Казань, 2015), в которой особое внимание уделяется, прежде всего, категориям «маргинальная личность», «маргинальное поведение», «маргинальное правосознание». Последнее, на наш взгляд, представляет собой специфический вид деформированного, неустойчивого и диффузионного правосознания, занимающего промежуточное положение между «нормальным» и деградированным правовым сознанием. Под влиянием различных политико-правовых, социально-экономических и духовно-нравственных условий маргинальное правосознание приобретает

двойственный характер и может продуцировать как негативные (эскапизм, фрустрация, протестные реакции), так и позитивные (сублимация) мотивационные модели правового поведения. Все зависит от устойчивости, восприимчивости и способностей к преобразованию индивидуальных биопсихологических и социокультурных паттернов личностной структуры и качества осознания действительности в целом.

Нахождение в «двух мирах» субстанционально дистанцирует современное пребывание личности через флуктуации индивидуального правового сознания от идеологически популяризируемых, в том числе через конституционно декларируемые (вера в Бога, уважение к человеку, патриотизм, объединенность общими целями, приоритет семейного воспитания, преемственность и защита исторической правды, государственное единство и др.) ценности, к личностному переосмыслению того, что же ценно: европейские, англосаксонские, азиатские или собственные духовно-нравственные начала как суть и ядро российской идентичности.

Позитивно оценивая инициативы властных организаций в обосновании и акцентировании внимания на аксиологии правовых нормоустановлений, в то же время следует подчеркнуть важность темпоральных и топологических факторов, не позволяющих одномоментно и разово видоизменить природу правового сознания и правовой культуры. Например, то, что происходит сегодня в пространстве украинской государственности, рассматривается в работе украинского исследователя Н. С. Скок «Субъективное время в контексте исследования маргинализации украинского общества» (Санкт-Петербург, 2012). Там концептуально ставятся проблемы последствий широкомасштабных и неэволюционных трансформаций и их радикальные результаты, приводящие к деградации правового сознания, протестным реакциям общества и неприятию новых ценностей².

Сказанное в условиях геополитического, экономического, социокультурного и правового соперничества и противостояния разных правовых порядков создает экзистенциальную напряженность, в которой маргинальное правосознание должно стать предметом пристального внимания социогуманитаристики.

¹ Синуков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2014. 672 с.

² Скок Н. С. Субъективное время в контексте исследования маргинализации украинского общества // Толерантность и интолерантность в современном обществе: осмысление новой реальности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. Л. Петровой. СПб.: Лань, 2012. С. 276–281.